

Вслед за Чуей Накахарой свои маленькие горести появились и у Сакуносукэ Оды.

Он вдруг обнаружил, что его проза, едва ложась на бумагу, выходит слишком сухой, монотонной и совсем не трогает душу. Стоило ему задуматься, как закрутить интригу или добавить неожиданный сюжетный поворот, мысли неизменно возвращались к смерти. Но нельзя же убивать персонажей всякий раз, когда иссякает вдохновение. Во-первых, действующих лиц у него и так было наперечет — пара смертей, и история сразу покатится к беспросветному финалу. Во-вторых, напиши он нечто подобное, разгневанные читатели наверняка засыпали бы его угрозами прислать лезвие в конверте.

— Быть писателем не так-то просто, — вздохнул Ода.

— О? Так ты хочешь писать книги, Ода?

Его напарница по учебе, Акико, сидела рядом и невольно подслушала эти сокрушения.

— Вряд ли у меня получится... Мои истории не берут за душу. В них нет того, что заставляет забыть обо всем на свете и переворачивать страницу за страницей.

Ода считал себя слишком нескладным и простодушным: читая чужие книги, он лишь восхищался мастерством авторов, но так и не мог перенять их приемы.

— Вот как... — Акико захлопнула книгу и придвинулась ближе, чтобы заглянуть в его черновики. — И кто послужил прототипом? — полюбопытствовала она, указав на главного героя.

— Никто, — честно признался Ода. — Просто представил человека и записал.

Сейчас он пытался изобразить самую обычную семейную жизнь, но ради драмы и конфликта вставил сцену мелкой домашней ссоры.

— Но смотри, ты пишешь, что этот мужчина «немногословен» и «честен до глубины души». Зачем же ему тайком таскать еду с плиты, пока ее еще не подали на стол?

— Ради конфликта.

— Хорошо. А ее ты описываешь как «добродетельную и заботливую», но «затаившую злой умысел». Почему же она на протяжении всей главы только и делает, что ухаживает за больным?

— Потому что, пока я писал, я о ее коварстве позабыл.

От такого ответа у Акико даже слова иссякли.

— Ода, ты ведь совсем не наблюдаешь за людьми, правда? — Девушка подперла щеку ладонью и с улыбкой склонила голову набок. — Я говорю не о наших домашних, а о тех, кто ходит там, снаружи.

"Какой же он все-таки простодушный"

Проводя кончиками пальцев по исписанным страницам, она принялась терпеливо указывать на логические нестыковки.

— В обычных семьях так себя не ведут. Простые люди не настолько богаты, чтобы покупать огромные виллы. Они не брызжут слюной во время изысканного ужина и уж точно не имеют кучи свободного времени на хобби после изнурительной работы...

Акико невольно вспомнила времена, когда ей самой приходилось работать. Какая же это была суета! Она без устали металась между душевной кухней и залом, терпела несправедливые вычеты из и без того крошечной платы — ведь заступиться за малолетнюю сироту было некому. Стало легче лишь позже, когда она устроилась в кондитерскую.

Прошло не так много времени, но эти воспоминания казались ей стеклом, залитым дождем: едва протрешь ладонью, чтобы взглянуть в прошлое, как его снова затягивает мутная пелена.

— Да... — Ода уныло опустил плечи, его голос прозвучал совсем тихо. — Должно быть, у меня действительно нет таланта.

— Да брось, то, что ты уже записываешь свои мысли — это здорово, — мягко улыбнулась Акико, стараясь подбодрить его, словно старшая сестра. — Большинство людей так и хоронят свои истории в собственной голове. Любой сюжет, со всеми его нелепостями и правдой жизни, сначала должен родиться на бумаге. Только тогда его можно оценить, увидеть ошибки и начать исправлять. Может, прогуляемся сегодня? Ты ведь с тех пор, как попал сюда, ни разу не выходил за порог.

Она убрала руку от черновика и указала на распахнутое окно.

Погода на улице стояла чудесная: ласковое солнце и прохладный ветерок так и манили вдохнуть свежего воздуха. Собственно, сама Акико тоже почти не покидала стен их нового дома и понятия не имела, как выглядит этот чужой мир за его пределами.

— Идем, — согласился Ода.

Хотя это была их маленькая затея, домашние ни за что не отпустили бы подростков одних. После недолгих расспросов и споров сопровождать их вызвался Аль-Хайтам.

— Куда направимся? — спросил Аль-Хайтам, глядя сверху вниз на своих спутников.

Акико, уже вошедшая в пору бурного роста, была заметно выше Оды и со стороны казалась предводительницей этой маленькой компании.

— Все равно, — ответила она за двоих. — Просто хочется побродить по улицам.

Поскольку Ода нерешительно молчал, Акико обошла мужчину и потянула друга за рукав.

— Пойдем. Здешний мир совсем не похож на тот, где ты жил раньше. Да и от моих воспоминаний он, должно быть, тоже отличается.

— Хорошо, — кивнул Ода и послушно двинулся следом.

Аль-Хайтам шел чуть поодаль, сохраняя молчание и стараясь казаться лишь безмолвной тенью, не вмешивающейся в их прогулку.

Шаг, другой. Твердая земля под ногами, ровная дорога вперед. Стена — значит, нужно свернуть. На заборе сидит разомлевшая кошка; они обменялись с ней понимающими взглядами. Снова вперед. Навстречу попадаете проходжий — Ода с трудом подавляет вьезшуюся в кости привычку потянуться за спрятанным оружием. Людей вокруг становится все больше. Главное — сохранять спокойствие и просто идти дальше.

На очередном перекрестке чистые беленые заборы наконец закончились. Перед глазами вырос бурлящий мегаполис: исполинские неоновые экраны, пестрые вывески магазинов и бесконечные, спешащие куда-то потоки прохожих.

Акико по-прежнему крепко сжимала рукав Оды, ведя его за собой сквозь шумную толпу.

— Хочу мороженого. Тебе взять?

— Да.

Вскоре каждый из них держал по прохладному лакомству.

Примостившись у края какой-то витрины, Акико жадно откусила большой кусок и тут же принялась шумно выдыхать воздух — со стороны казалось, будто ледяной шарик намертво вцепился ей в язык.

Ода последовал ее примеру, разом проглотив добрую половину своего рожка. Ощущение было такое, словно во рту началась настоящая ледяная баталия.

— Холодно.

— Уф... Ничего, сейчас растает, — выдохнула Акико.

Изо рта у нее струилось легкое белое облачко пара. Забавы ради она принялась увлеченно пускать колечки воздуха. Попробовав повторить, Ода неожиданно для самого себя издал довольно громкий и залихватский свист.

— Ха-ха-ха! Вот этому учиться точно не надо, — рассмеялась Акико. — Лучше посмотри наверх.

Ода послушно поднял глаза.

Вокруг сновали сотни прохожих, и все они были бесконечно разными. Кто-то, нарядно одетый, щеголял дорогой сумкой; другие, в строгих костюмах, то и дело поглядывали на часы и ускоряли шаг; третьи испуганно прятали лица за медицинскими масками, а кто-то в потрепанной куртке просто стоял и с робкой надеждой разглядывал сияющие витрины.

— Как думаешь, Ода, кем они работают? Можешь угадать?

Акико проглотила остатки растаявшего мороженого и с хрустом принялась за сладкий вафельный рожок.

— Вон тот, кажется...

Ода принялся неторопливо разглядывать толпу, выхватывая взглядом то клерка, то бездомного, то бездельничающего модника, то школьника... Его словарный запас был скуден, поэтому описания то и дело повторялись, но он старательно подбирал каждое слово.

Акико, хоть и не знала наверняка, угадал он или нет, ободряюще поддакивала в ответ на каждое его предположение.

— Ну что, пойдём дальше? — закончив с вафлей, предложила она.

Передышка подошла к концу. Они поднялись и снова двинулись в путь, без всякой цели блуждая по улицам огромного Токио.

Величественные торговые центры манили яркими огнями. Столица поражала своим невообразимым масштабом и роскошью — ни Акико, ни Ода никогда прежде не видели ничего подобного. Перед ними открывались целые миры: выставки диковинных технических новинок, пестрые прилавки лавок с дешевыми безделушками, витрины кондитерских и гастрономов, ломящиеся от невиданных яств.

Стоило ребятам заинтересоваться какой-нибудь мелочью или лакомством, они тут же переглядывались с Аль-Хайтамом — и тот без лишних слов покупал им заветный сверток.

— Хочу посмотреть на голубей, — вдруг негромко произнес Ода, когда они вышли из очередного пассажа. — В книгах о них так часто пишут.

— Тогда нам нужно в парк, — отозвалась Акико.

Сверившись с указателями, они отправились дальше. Долгая дорога пешком их ничуть не пугала; они шли не торопясь, наслаждаясь каждым шагом, пока наконец не вышли к тенистым аллеям.

Это место походило скорее на живописный заповедник, нежели на обычный городской сквер. Впрочем, какая разница, если здесь действительно водились птицы?

Купив пару пакетиков с сухой кукурузой и ломоть мягкого хлеба, Ода, набравшись храбрости, шагнул на поляну, где копошилась сизая стая.

— Да расслабься ты! С таким лицом только в бой ходить, всех птиц распугаешь, — со смехом крикнула Акико, глядя на его напряженную, словно перед решающим сражением, позу.

Ода послушно выдохнул и примирительно протянул вперед раскрытую ладонь с россыпью зерен.

В ту же секунду он превратился в живой насест. Голуби оглушительно заворковали, кукуруза таяла на глазах, а сам Ода замер, боясь даже вздохнуть под весом десятка цепких лапок. Едва угощение закончилось, пернатые взмыли в воздух, подарив ему долгожданную свободу. Ода поспешил укрыться на скамейке рядом с улыбающейся подругой.

—... Никакого дружелюбия, — пробормотал он, отряхивая куртку. — В книгах они кажутся символом мира, а на деле — сущие разбойники. Облепили с ног до головы: и плечи, и макушку, и руки...

Акико весело расхохоталась и протянула ему в качестве утешения коробочку с такойки. Правда, пока они гуляли, шарики успели немного остыть и зачерстветь.

— Ну и как тебе? Мир по ту сторону нашего забора?

— Там много такого, о чем я даже не догадывался, — набив рот остывшим лакомством, невнятно пробормотал Ода. — Кажется, ты тоже не очень хорошо все это знаешь, Акико.

— Да, ты прав. В моей прошлой жизни были лишь пропахшие жиром дешевые забегаловки,

дряхлые деревянные лачуги и люди, которые из последних сил цеплялись за свое жалкое существование...

Она говорила медленно, будто выуживая из глубин памяти обрывки ушедших дней. Мир вокруг стремительно менялся, но сквозь его новый глянцевый фасад то и дело проступали до боли знакомые, неизменные черты.

—... Акико, я хочу написать обо всем, что произошло сегодня.

Ода задумчиво проводил взглядом опускающееся за горизонт багровое солнце и отправил в рот еще один шарик такойки. Мягкое тесто с хрустящими овощами и упругим кусочком осьминога оставляло во рту приятное, чуть сладковатое послевкусие. Он уже мысленно набрасывал структуру будущей повести: о двух любопытных странниках, открывающих для себя неизведанный край, полный чудес и загадок.

— Я напишу, что двери в домах здесь — это на самом деле спящие чудовища. Но одолеть их очень просто: достаточно лишь потянуть за ручку.

— Замечательная задумка! — горячо поддержала Акико. — Как только закончишь, обязательно дай мне почитать.

— Договорились. Будешь моим первым читателем.

Вместе они молча провожали догоравший закат. Парк постепенно пустел и погружался в сонные сумерки; стихли голоса, улетели птицы, утих шорох шагов редких прохожих и их питомцев. Но это безмолвие ничуть не омрачало их тихой радости.

Возможно, именно то, что они оба несли в себе тяжелые раны прошлого, помогло им так глубоко прочувствовать этот яркий, живой мир. Акико ощутила, как в груди разгорается твердая решимость, и не удержалась от откровения.

— Ты ведь обязательно станешь писателем, Ода?

— Стану.

— А я хочу пойти в политику.

— Ого. Это здорово.

— Хочу, чтобы каждый человек мог жить вот так же спокойно и счастливо. И эсперы, и самые обычные люди.

Должно быть, на нее повлияли пафосные речи Сатору Годзё, который обожал разглагольствовать о том, как переделает мир под себя — Акико едва не ляпнула нечто подобное, но вовремя прикусила язык.

"Хотя... а ведь мысль действительно неплохая"

<http://bllate.org/book/18256/1755682>